

Джон Бойнтон Пристли

J. B. Priestley

При блеске дня
Дженни Вильерс

Библиотека классики (АСТ)

Джон Пристли

При блеске дня. Дженни Вильерс

«Издательство АСТ»

1946, 1947

УДК 821.111-31
ББК 84(7Вел)-44

Пристли Д. Б.

При блеске дня. Дженни Вильерс / Д. Б. Пристли —
«Издательство АСТ», 1946, 1947 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-186874-1

Чтобы не сорвать сроки, преуспевающий британский сценарист Грег Доусон, главный герой романа «При блеске дня», уезжает работать над новым проектом в отдаленную гостиницу в приморском Корнуолле. Случайная встреча с пожилой супружеской парой, с которой он был знаком в молодости, заставляет Грега вспомнить полное оптимизма довоенное прошлое и задуматься, когда же его жизнь свернула не туда. Успешный драматург Мартин Чиверел переживает творческий кризис и решает бросить писать. Однако в старом театре на севере Англии, куда Мартин приехал на премьеру своей последней пьесы, ему внезапно является видение трагедии, случившейся в стенах здания веком ранее с юной актрисой по имени Дженни Вильерс.

УДК 821.111-31

ББК 84(7Вел)-44

ISBN 978-5-17-186874-1

© Пристли Д. Б., 1946, 1947
© Издательство АСТ, 1946, 1947

Содержание

При блеске дня	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джон Бойнтон Пристли При блеске дня; Дженни Вильерс

библиотека классики

Серия «Библиотека классики»

John Boynton Priestley
BRIGHT DAY
JENNY VILLIERS

Перевод с английского
Е. Романовой («При блеске дня»),
В. Ашкенази («Дженни Вильерс»)

Печатается с разрешения The Estate of J. B. Priestley,
United Agents LTD и The Van Lear Agency LLC.

© J.B. Priestley, 1946, 1947
© Перевод. В. Ашкенази, наследники, 2026
© Перевод. Е. Романова, 2026
Школа перевода Баканова, 2026

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

При блеске дня

Посвящаю жене за 14 сентября

Глава первая

*При блеске дня ехидна выползает...
Уильям Шекспир. Юлий Цезарь¹*

Поехать в Тралорну и остановиться в гостинице «Ройял оушен» мне предложил Brent, кинопродюсер. По его заказу я писал сценарий для фильма «Леди наносит ответный удар» – точнее, несколько месяцев валял дурака, пока Brent внезапно не заявил, что сценарий ему нужен как можно скорее. Чтобы закончить работу в сжатые сроки, мне было просто необходимо куда-нибудь уехать. Brent предложил Тралорну и «Ройял оушен». В прошлом году они снимали в Корнуолле фильм и останавливались там со съемочной группой. «Лучше места не придумаешь, Грег, – сказал он. – Делать там совершенно нечего, только работать. Номер у тебя будет размером с кинопавильон, кормежка никудышная, а большинство постояльцев приехали туда доживать последние дни. Словом, голодно и скучно – идеальные условия для работы. Смотри не обмолвись хозяевам о нашем знакомстве: они меня на дух не переносят. Бар в гостинице, кстати, приличный, но советую тебе там не засиживаться. Чтобы к середине следующего месяца сценарий был готов!»

И я поехал. А Brent (который всегда говорит так, что невольно сомневаешься в любых его суждениях) вновь меня удивил: все его суждения по поводу гостиницы «Ройял оушен» оказались совершенно справедливы. О лучшем месте для работы нельзя было и мечтать. Меня поселили в огромном номере на самом верху башни, и, работая высоко над сверкающим морем, я чувствовал себя смотрителем маяка. Кормили и впрямь скверно, а крошечные порции строго выверенных размеров наводили на мысль о бригаде физиков в поварских колпаках; большинство постояльцев действительно выглядели так, словно приехали сюда доживать последние деньки, а некоторые – словно уже дожили и призраками навек поселились в этих стенах. Мне было голодно, скучно, и я много работал.

Бар действительно оказался неплохим, а Brentа и съемочную группу хозяева вспоминали так, как жители разоренного города вспоминают армию оккупантов. Гостиница была больше, чем я ожидал; она стояла на высоком утесе, за окнами столовой кричали чайки, а где-то далеко внизу ворчал и вздрагивал Атлантический океан. На стенах коридора и вестибюля висело множество бутафорских копий, алебард, щитов и доспехов – сплошные свирепые львы и отдыхающие леопарды. Такое впечатление, что кинокомпания «Метро-Голдвин-Майер» недавно снимала здесь малобюджетный фильм «Айвенго».

Мой режим труда и отдыха был простым и скучным, как тарелка холодной овсянки. Все утро я тарабанил двумя пальцами по клавишам пишущей машинки у себя в башне, затем спускался к позднему обеду в столовую. Днем я бездельничал и отправлялся на прогулку то в деревню, то по дорожкам вдоль обрыва. Выпив чаю раньше положенного, я возвращался в башню и вкалывал до восьми, после чего торопливо шел в бар, где выпивал стаканчик розового джина, а потом принимался за одинокий ужин в углу столовой. К девяти часам я обязательно приходил в вестибюль послушать новости: среди свирепых и отдыхающих зверей гремело радио, сотрясая стены своей беззаветной уверенностью в будущем и рассказами слепцов

¹ Перевод П. А. Козлова.

о земле обетованной. Когда же трио (о них я поведаю позже) вновь принималось играть Эрика Коутса или Коула Портера, я прятался в баре или возвращался к себе, где порой разговаривал по телефону с Брентом или Георгом Адонаем, режиссером фильма, а чаще просто набрасывал план завтрашней работы – и непременно читал американские детективы самого низкого пошиба, многие из которых вышли из-под пера моих вечно пьяных голливудских коллег.

В Корнуолле царил весна, о том говорили все приметы: хлесткий дождь внезапно сменился ослепительным солнцем, по небу стремительно плыли облака, похожие на ветхие паруса, внизу бесновался зеленый океан, вдоль обрыва цвел утесник, а рядом с гостиницей красовались пышные подушки примул. Однако все это словно бы происходило где-то в стороне и не имело ко мне никакого отношения. Весна не входила в мои рабочие планы, скучные и безотрадные, как и обещал Брент, – а значит, ничто не отвлекало меня от писанины.

Сцена за сценой, кадр за кадром нового фильма «Леди наносит ответный удар» появлялись на бумаге, точно по волшебству. Впрочем, это вовсе не значит, что мне не пришлось потрудиться. Когда пишешь сценарий, работает только одна часть мозга, зато работает на износ: старое доброе подсознание в таких делах не помощник. Как ни бейся, в глубинах разума сокровищ не найдешь, остается только работать извилинами и потеть.

Тут я должен заметить – это имеет значение для моего рассказа, – что будущий фильм был вовсе не так прост, как может показаться на первый взгляд и каковым он предстал бы в пресс-релизах. Мы не хотели снимать обыкновенную полуторачасовую комедию с парочкой трюизмов в финале. По сути своей картина была жесткой и холодной; ее игрушечные герои существовали в мире черного льда. Мы – Брент, я и Георг – хотели исподволь внушить миллионам и миллионам зрителей, расслабленно сидящих во мраке кинозалов, одну мысль: от этого мира нельзя ждать ничего хорошего, дальше будет только хуже, не позволяйте водить себя за нос. И хотя мы никогда не заикались об этом даже друг другу, каждый прекрасно знал, что делает и что остальные двое тоже это знают. Вот она, главная тайна кинопроизводства (пусть рекламные агенты, прокатчики и критики о ней не догадываются), самое настоящее волшебство кинематографа – это тихое нашептывание в темноте на ухо пятидесяти миллионам. Наверное, ошибочно утверждать, будто подсознание не играет в моем деле никакой роли, однако факт остается фактом: каждую сцену, каждую реплику ты спокойно и сознательно продумываешь и выписываешь. Это тяжелый труд.

В гостинице было около сорока постояльцев – сплошь старики да несколько молодых пар, которые заново познавали друг друга после войны. Каждый день я перекидывался с кем-нибудь парой слов – главным образом в баре, – но намеренно не заводил близких знакомств, ведь я приехал сюда работать, а не отдыхать. Особенно тщательно я избегал компании в первые дни, пока раскачивался; впрочем, я и потом продолжал держаться особняком, просто потому, что никто меня особо не заинтересовал. И все же одна пара, поселившаяся в гостинице несколькими днями позже, пробудила во мне любопытство. В столовой они сидели всего через два столика от меня. На вид они были весьма состоятельны, даже богаты – обоим под шестьдесят, оба высокие, худые и какие-то иссохшие, словно бескровные. Как часто бывает с престарелыми супружескими парами, на первый взгляд они казались удивительно похожими друг на друга. Примерно одного роста, одинаково сухие, серые, почти прозрачные, с маленькими головами и плоскими лицами. Но вскоре я заметил, что у него глаза были голубые, холодные и мутноватые, а у нее – темные, беспокойные и по-прежнему ясные. Все говорило о том, что некогда она была очень красивой женщиной, однако из-за многочисленных процедур по возвращению молодости выглядела она гораздо старше и хуже своих сверстниц, которые не могли тратить столько времени и денег на внешность. Ее супруг был моложав, розовощек и вроде бы приятен в общении, но что-то в его взгляде говорило о склонности чрезмерно потакать собственным слабостям, которая свойственна многим престарелым зажиточным англичанам и всегда вызывала во мне отторжение.

Любопытство во мне проснулось от смутного чувства, что я уже где-то видел этих людей. Или они просто напомнили мне каких-то давних знакомых... Но кого? Когда и при каких обстоятельствах мы встречались? То и дело за обедом и ужином я напряженно изучал супружескую чету, силясь раскопать в памяти хоть что-нибудь... Все было тщетно. Эта маленькая неразгаданная тайна вскоре начала действовать мне на нервы, и потому несколько дней спустя я решил навести справки об этих загадочных и неприятных людях, которые, между прочим, не проявляли ко мне ни малейшего интереса. Я задал несколько вопросов завсегдатаям бара и в конце концов разузнал, что супружеская чета – лорд и леди Харндин. Он раньше был успешным коммерсантом и прямо перед войной получил дворянский титул.

Все эти сведения никак мне не помогли. Фамилию «Харндин» я слышал впервые.

– Раньше его звали иначе, – припомнил мой собеседник, мужчина по имени Хорнкасл. – Вот только не помню как. Во время войны он работал на правительство, но сейчас, конечно, все бросил. Может, вы на войне встречались?

Я точно знал, что нет.

– Если мы и встречались, то намного раньше. Из Америки я вернулся в начале сорокового и прожил там десять лет – в основном в Голливуде.

– В Голливуде! – сразу оживился Хорнкасл.

Удивительно, как часто люди оживляются при упоминании Голливуда – даже умудренные жизнью старики. Они могут не знать по имени ни единого продюсера, режиссера, сценариста, однако слово «Голливуд» неизменно заставляет их расплываться в улыбке. Звезды кино! Блондинки на миллион долларов! Оргии и пирушки!.. Хорнкасл едва не облизнулся от любопытства.

– Вы работаете в кино, Доусон?

– Да. Пишу сценарии.

– Стало быть, придумываете все, что будут говорить и делать на экране?

– По большей части.

Выкладывать ему сочные подробности голливудской закулисной жизни я не собирался, поэтому сослался на то, что у меня много работы, и отбыл. На обратном пути я принял решение выбросить несчастных Харндинов из головы. В конце концов, спонсоры мне не нужны, так с какой стати я днями напролет думаю о титулованных богачах? Тем более они сами никакого интереса ко мне не проявляют. Довольно, сказал я себе, отныне никаких Харндинов.

Наверное, я бы так и не вспомнил, кто они такие, если бы не Шуберт.

Вот и настала пора рассказать о музыкальном трио. За роялем сидел старый чех по имени Зенек, который попусту растрчивал свой талант в баре; выяснилось, что я знаком с его братом, похожим на него как две капли воды, только гораздо ниже ростом и чище плотнее, – тот работал помощником режиссера в «Парамаунте». Скрипачка Сьюзен и виолончелистка Синтия, взъерошенные, но милые девушки из Королевского колледжа, приехали сюда ради бесплатного отдыха на море играть в баре Кольриджа-Тейлора, Эрика Коутса, Джерома Керна и иже с ними. Сьюзен была бойкая коротышка, а Синтия – очень высокая и тихого нрава. Девушки меня забавляли, причем не столько своей непохожестью друг на друга, сколько неизмеримым презрением к гостинице «Ройял оушен» и всем ее постояльцам. После чая и короткого разговора с Зенеким о его брате я обыкновенно перекидывался с девушками парой слов и высмеивал их репертуар (надо сказать, они относились к себе очень серьезно). Я шутил, что до настоящих музыкантов им как до луны, и ужасно злил этим обеих девушек, но в особенности бойкую Сьюзен. Назло мне они однажды решили сыграть Шуберта – и так я познакомился с четой Харндинов.

Я спустился к чаю с небольшим опозданием, когда трио уже отгарабанило подборку вещиц из «Плавучего театра». Я заметил, что Сьюзен смотрит на меня особенно дерзко – у нее были очень выразительные темные глаза, – а высокая Синтия, обернувшаяся вокруг виолон-

чели, уж очень робеет. Старик Зенек копался в нотах и весело ухмылялся. Я понял, что следующая композиция будет исполнена специально для меня. Музыканты вознамерились показать себя во всей красе. Я огляделся. Почти все постояльцы уже разошлись, и было очень тихо. Харндины все еще сидели за своим столиком; я строго велел себе не обращать на них внимания и стал ждать музыку, которую, подозреваю, не только выбрали, но и хорошенько отрепетировали. Наконец Сьюзен бросила на меня взгляд, в котором ясно читалось: «А вот съешь-ка!», и музыканты заиграли.

То была медленная часть трио Шуберта си-бемоль мажор, которое я сразу же узнал по виолончели, чей изящный голос медленно и мрачно покачивался на волнах бездонной нежности. Несколькими мгновениями позже, когда виолончель тихо зароптала где-то на втором плане, мелодию подхватила пронзительно-щемящая скрипка, но я был уже далеко, в давно забытом мире и забытой поре. Я – молодой Грегори Доусон восемнадцати лет, застенчивый и неуклюжий – вновь очутился в гостинной Элингтонов в Брэддерсфорде. Это было полжизни назад, еще до начала Первой мировой. Тонкая лента музыки отодвигала один занавес за другим. Люди и места, которые, казалось, давно растворились в легчайших, почти незримых оттенках моей памяти или превратились в смазанные каракули на пожелтевших страницах старого дневника, начали внезапно вспыхивать перед моим взором, ослепительно живые, – а музыка все змеилась сквозь мое сердце подобно медленной процессии поджигателей. Дом Элингтонов, контора и склад на Кэнэл-стрит, домики на вересковых пустошах, сами Элингтоны: Оливер, Ева, Бриджит, Джоан и их друзья, дядя Майлс, тетя Хильда и вист... Экворт, старик Сэм и прочие мои коллеги с Кэнэл-стрит... Под пальцами вновь зашуршала голубая бумага для упаковки образцов шерсти, и словно по волшебству до меня донесся давно забытый аромат сирени, прибитой дождем летней пыли, чего-то горького... и над Бродстонской пустошью вновь вспархивали жаворонки. Когда музыка умолкла – случилось это скоро, поскольку трио сыграло лишь небольшой отрывок, – я с большим трудом вырвался из забытья, улыбнулся и похлопал музыкантам. В ту же секунду я вспомнил, кто такие лорд и леди Харндин: они по-прежнему чопорно сидели за столом, не разговаривая и не слушая музыку, а лишь молча и упорно борясь с дремотой этого праздного часа. Я пораился тому, что не узнал их сразу, ведь теперь мне было совершенно ясно – ошибки быть не могло, – это Малькольм Никси и его жена Элеонора, столь внезапно появившиеся в доме Элингтонов под эту самую музыку больше тридцати лет назад. Все мы с тех пор изменились, но как же я мог их не узнать?!

Конечно, они ничего не вспомнили; обратное было бы странно и совершенно для них противоестественно. Муж и жена сидели прямо, как штыки, и даже не помышляли о далеком 1913-м, – создания, вышедшие из троянского коня, которого мы столь неосмотрительно втащили в наш осажденный город. Малькольм и Элеонора Никси, внезапно нагрянувшие из Лондона и отобравшие у нас все самое дорогое, чтобы потом стать лордом и леди Харндин, теперь сидели в гостинице «Ройял оушен» Тралорна и гадали, куда себя деть.

Я вовсе не хотел с ними разговаривать; между нами не могло состояться радушной беседы. Однако желание встретиться с ними лицом к лицу оказалось слишком велико.

– Вот уже четыре дня я гадаю, где мы с вами могли видаться, – обратился я к Харндинам, – и наконец вспомнил.

Они любезно поздоровались, но не сумели скрыть некоторого смущения. Богатые люди должны быть осторожны.

– Меня зовут Грегори Доусон, больше тридцати лет назад мы с вами встречались в Брэддерсфорде. Мы даже вместе работали – «Хавес и компания», помните?

Да конечно, теперь они вспомнили. Переглянувшись, супруги и меня одарили милой ностальгической улыбкой, непоколебимо уверенные в том, что я отдаю себе отчет, каким далеким и нелепым было наше брэддерсфордское прошлое. В конце концов, я ведь тоже отдыхаю в гостинице «Ройял оушен», не так ли? Состоятельный господин средних лет... Что ж, надо

непременно встретиться за коктейлем или чашечкой кофе с ликером и вспомнить старые добрые времена. Примерно к этому, как я и предполагал, свелся наш разговор.

– Позвольте-ка, – все еще улыбаясь, сказал лорд Харндин, – вы ведь записались добровольцем, не так ли? А потом что? Торговлей больше не занимались?

– Нет, после демобилизации в 1919-м я получил работу на Флит-стрит, был несколько лет журналистом, написал пару романов, пьесу и в конечном итоге попал в Голливуд.

– А-а... кинематограф.

Я заметил, что Элеоноре тоже понравилось, как это звучит. Выходит, юный Доусон неплохо устроился. Кино – прибыльное дело.

– Помню-помню, – медленно проговорила она, бросив на меня весьма лестный взгляд по-прежнему красивых глаз, разом уничтоживший две мировых войны и годы неразберихи между ними, – вы и тогда были смышленным юношей, уже что-то писали.

– Больше болтал, чем писал. А теперь наоборот: приходится писать и помалкивать. Ну, мне пора, работа ждет, сроки горят. Еще увидимся – быть может.

Теперь лорд и леди смотрели на меня совсем другими глазами, нежели чем когда я впервые обратился к ним со словами о нашем общем прошлом. И все же в их взгляде сквозила неуверенность: они не могли решить, что думать о писателях, которые, как показывал опыт, могли быть и бездельниками, и могущественными злыми колдунами. В итоге Харндины на всякий случай попросили меня поскорее составить им компанию. (Настолько им было скучно и одиноко.) Я пообещал исполнить их просьбу и спешно удалился, ничем не выдав, что минуту назад передо мной разверзлась пропасть воспоминаний, – словно Брэддерсфорд остался для меня в таком же далеком прошлом, как и для Харндинов, и словно Шуберт не нашептывал мне только что из могилы.

Глава вторая

Есть несомненные преимущества в том, что тебе пятьдесят и за плечами – серьезный профессиональный опыт. Я поднялся в номер с намерением долго работать – и работал. Пусть Брэддерсфорд, Элингтоны, дядя Майлс и все остальные только что занимали мои мысли без остатка, усилием воли я отодвинул их на второй план и попросил подождать. Написанные в тот вечер сцены оказались ничуть не хуже и не лучше утренних или вчерашних; пожалуй, сначала мне было трудно сосредоточиться – но и только. Однако, спустившись вечером к ужину, я понял, что не смогу побеседовать с Малькольмом и Элеонорой Никси (называть их Харндинами язык не поворачивался), пока не приведу в порядок воспоминания о своей жизни в Брэддерсфорде. А вдруг выяснится, что я в них ошибался? Была и другая опасность: если бы я не попытался воскресить в памяти события тех дней, не познакомился заново с четой Никси, то в непринужденной атмосфере посиделок за кофе, на фоне стариковской болтовни и успеха в высоком обществе я мог опуститься до такого же снисходительного отношения к собственной молодости, мог из одной только лени принять идеалы и воззрения Харндинов. В этом случае великое движение жизни и вызов, что звучали в медленной мелодии Шуберта, потеряли бы всякий смысл. А я хотел, чтобы они что-то значили. Это было мне необходимо, насколько нечто подобное вообще может быть необходимо человеку. Чтобы шагнуть вперед, я сперва должен сделать шаг назад.

Поэтому, когда после ужина я вошел в бар и увидел, как Никси выжидательно смотрят по сторонам (Малькольм даже помахал мне рукой), я подошел к их столику и сказал, что вынужден как можно скорее вернуться к работе. Они расстроились – причем искренне – и спросили, когда у меня будет свободное время. Быть может, завтра?

– А знаете, Доусон, – произнес Малькольм после минутного колебания, – по-моему, вы тоже давненько не вспоминали старый добрый Брэддерсфорд. Столько воды утекло... Благодаря вам мы весь день предаемся воспоминаниям: Элеонора помнит одно, я другое. Люди, имена... Все это в некотором смысле любопытно.

– Не все наши воспоминания сходятся, – с улыбкой добавила его жена. На ней было черное платье, и она явно тщательно готовилась к ужину. Несмотря на старческую дряблую кожу и чересчур яркий макияж, который скорее подчеркивал возраст, нежели скрывал, в золотистом свете бара леди Харндин все еще была весьма привлекательна и не так уж безнадежно отличалась от Элеоноры Никси из моего прошлого. – Мы надеялись, вы нас рассудите, мистер Доусон. Если, конечно, из-за Голливуда и прочего память не подводит вас еще досаднее, чем нас.

– Посмотрим. Я действительно давно не думал о Брэддерсфорде, – ответил я, – но память у меня хорошая. Так что продолжайте ностальгировать, а я присоединюсь к вам позже.

Тут кто-то подошел к столику и предложил Никси сыграть партию в бридж, поэтому я смог улизнуть. В номере – его изрядные размеры позволяли легко забыть, что это спальня, – я включил электрический камин, надел удобную пижаму, халат и тапочки, погрузился в кресло, закурил сигару, несколько минут слушал завывание ветра за окном башни и шелест прилива внизу, а затем отправился в далекое прошлое – напрямик в довоенный Брэддерсфорд.

В Уэст-Райдинге живет немало Доусонов, однако в Брэддерсфорде родилась моя мать, а не отец (он родом из Кента). В девичестве ее звали Лофтхаус, и они с отцом познакомились в Скарборо, если не ошибаюсь, во время его первого приезда домой из Индии, где он был на государственной службе. О своем раннем и позднем детстве я решил не писать – в тот вечер я о них не вспоминал, – так что предлагаю пропустить эту пору моей жизни и сразу перейти к рассказу о том, как я попал в Брэддерсфорд.

Я был единственным ребенком в семье; поэтому, когда меня отправили учиться в частную школу (недорогую и малоизвестную), мама уехала к отцу в Индию и большую часть вре-

мени жила там. В последний год моей учебы – всего за несколько недель до сдачи вступительного экзамена в Кембридж, – мой отец, человек добросовестный и крайне упрямый, слег со страшной лихорадкой, а мама примчалась его выхаживать и пала жертвой той же эпидемии. В считанные дни я остался без обоих родителей. Потрясенный и раздавленный горем, я при всем желании не смог бы сдать вступительный экзамен. Порой мне казалось, что я тоже умер и превратился в привидение. Взрослея, мы часто забываем, что в юности отчаяние еще более громадно и всепоглощающе, чем оптимизм: никогда больше перед нами не вырастают столь неприступные голые стены печали. С годами я многое повидал – торчал в окопах по пояс в воде, угодил под пулеметный огонь, пережил бомбежку и отравление ядовитым газом, считал последние шиллинги, терял всех друзей до единого, видел, как мою работу портят чужие люди, и портил ее сам, но никогда меня не обуревали такое горе и безысходность, как в те последние месяцы учебы. Говорю я это лишь затем, чтобы вы поняли, какие чувства я испытывал – и продолжаю испытывать – в отношении тех двух лет в Браддерсфорде. Я поднялся на холмы Уэст-Райдинга напрямиком из болота.

А помогли мне из него выбраться заботливые руки дяди Майлса, единственного брата моей матери, и его жены, тети Хильды. Своих детей у них не было, и меня они любили так же сильно, как я их. Мы договорились, что после окончания учебы я приеду жить в Браддерсфорд, где, разумеется, я уже не раз бывал. Если позднее я все-таки захочу поступить в Кембридж, они об этом позаботятся (им пришлось бы почти целиком оплатить мое образование, поскольку наследство мне досталось весьма скромное). Однако я заверил их, что поступать никуда не хочу и учеба больше меня не интересует. А вот чего мне по-настоящему хотелось, так это писать, но я пока не знал, что именно. Большую часть времени я только воображал, как буду писателем – неким абстрактным тружеником пера, – вместо того чтобы всерьез задуматься о своем призвании. Это простительно для юноши и губительно для взрослого человека. Раз или два я намекнул дяде с тетей о своей мечте, и те в ответ разумно заметили, что при всем желании не смогут сделать из меня писателя – это под силу лишь мне самому. А тем временем, раз уж я не хочу поступать в университет, почему бы не заняться чем-нибудь полезным и не подзаработать денег? В конечном итоге было решено: после праздников дядя Майлс попробует подыскать мне какую-нибудь работу в области производства или торговли шерстью. Так я попал в Браддерсфорд, где вскоре устроился в «Хавес и компанию» и познакомился с Элингтонами, а также с их окружением, в том числе Малькольмом и Элеонорой Никси.

Дядя с тетей жили в районе Бригг-Террас, молодом и растущем пригороде на севере Браддерсфорда, между лаврово-араукариевой роскошью и великолепиям особняков Мертон-парка, где жили богатые коммерсанты и владельцы шерстяных фабрик, и длинной мрачной Уэбли-роуд, по которой сродни призракам бродили туда-сюда трамваи. Дом был совсем скромный, но очень уютный. Мне выделили большую спальню в задней его части, где я спал и проводил досуг. В двух книжных шкафчиках поместилась моя небольшая библиотека, и я с достоинством королевского библиотекаря регулярно переставлял с полки на полку томики двух собраний классической литературы – «Библиотеки для всех» издательства «Рэндом хаус» и оксфордской «Мировой классики», а также немногочисленную коллекцию современных произведений. Стены я завесил собственными фотографиями и репродукциями шедевров изобразительного искусства. В углу поместился шумный газовый камин. С чердака я притащил в свою комнату старое дедушкино бюро и два покосившихся кожаных кресла. Так спальня превратилась в гостиную, где я мог бы принимать друга – как только друг найдется. Источниками света служили две злобные калильные сетки, небольшие, зато яркие и словно бы трепещущие от гнева. Помню я и вид из двух моих окон. Одно выходило на довольно унылую панораму задних садов, пыльных зарослей бирючины, бельевых веревок и сваленных в кучу досок на пустыре, а сбоку возвышалась огромная труба Хигденской фабрики – в то время это была самая большая труба самой большой шерстяной фабрики в мире. В другом окне за россыпью

крыш виднелся в дымке краешек вересковой пустоши. Разумеется, я был в восторге от своей комнаты, и никакое другое жилье потом не рождало в моей груди столь приятного чувства обладания – хотя мне доводилось жить и в Амальфи, и в Санта-Барбаре. Впрочем, я был молод и непоседлив, поэтому проводил в своей комнате только ночи; самое большое удовольствие я получал просто от осознания, что такая комната у меня есть.

Дом в Бригг-Террас почти сразу стал мне как родной и вовсе не потому, что все мое детство прошло в разъездах, а благодаря стараниям тети и дяди. Я одинаково любил их обоих, но они были настолько разными людьми, что подчас казались мне дуэтом комедиантов. У тети Хильды отсутствовало чувство юмора – то есть вообще, начисто. При этом она без конца делала что-нибудь по дому: великолепная хозяйка и неутомимый борец за чистоту, она служила высшим идеалам безупречности, нам с дядей Майлсом недоступным. При этом тетя прекрасно готовила – и вот это мы вполне могли постичь. У нее работала одна служанка, пухлая и постоянно фыркаящая Элис, дочь горняка с Барнсли-уэй. Еще была поденщица миссис Спеллман – невысокая и тощая, но с оглушительным браддерсфордским голосищем, который всегда звучал одинаково громко: самые незначительные саркастические замечания сотрясали стены всего дома, а любые комментарии, сделанные во время мытья передней, были слышны далеко за пределами веранды. Тетя Хильда заваливала прислугу работой, не жалея, – но себя она жалела еще меньше. В компании же, одетая в строгое черное платье практически без украшений – а те немногие украшения, что у нее были, всегда имели похоронный вид, – бледная и болезненно красивая, тетя Хильда производила впечатление человека, медленно приходящего в себя после страшной утраты. На пикниках и вечерах, посвященных игре в вист, она выглядела так, словно пришла на чтение завещания. У тети были правильные черты лица, своей бледностью наводившего на мысль о мраморных статуях; уголки ее рта всегда были опущены, словно от неизбывного горя, и потому верхняя губа со временем удлинилась; говорила она низким скорбным голосом. Выбираясь на встречу с друзьями, больше всего тетя Хильда любила поболтать о своих недугах, из пустяковых превратившихся в серьезные, об операциях и катастрофическом упадке сил, о полном крахе и грядущей смерти. Другой ее излюбленной темой была недвижимость, потому что кое-какую собственность она унаследовала сама (подозреваю, благодаря этому они могли позволить себе содержание дома в Бригг-Террас) и в те годы говорить о недвижимости в Браддерсфорде было модно. Два пожилых уважаемых горожанина могли отправиться на долгую прогулку и беседовать исключительно о рынке жилья. По воскресеньям тетя Хильда (как и тысячи других браддерсфордцев) любила прогуливаться по дорожкам огромного кладбища за лесом Уэбли и там обсуждать с приятелями и приятельницами бесчисленные симптомы страшных болезней, смерти, похороны, завещания и дома.

Однако за этой скорбной маской скрывался неисчерпаемый запас доброты. Она с удовольствием принимала гостей и была щедрой хозяйкой, а также твердо придерживалась старомодного женского убеждения, что мужчин, сколько бы неприятностей они ни доставляли, необходимо часто, обильно и вкусно кормить. Причем тетя Хильда была весьма разборчива и привередлива. Мысль об этой ее черте заставила меня вспомнить и двух сестер Синглтон, которые держали небольшую кондитерскую лавку недалеко от Мертон-парка. То была любимая лавка моей тети – воплощение ее представлений об идеальном магазине. Сестры Синглтон, робкие и застенчивые старушки, неизменно краснели, сообщая, что вся выпечка уже распродана (казалось, в их крошечной лавке вообще никогда ничего не было, кроме этих извинений и пунцовых морщинистых щек), однако они настолько самоотверженно служили некоему гастрономическому идеалу – заодно с тетей Хильдой и еще парочкой столь же разборчивых матрон, – что успевали испечь лишь десятую часть того, что могли бы продать. Любого современного дельца сестры Синглтон довели бы до отчаяния и самоубийства. В своем упорном желании продавать лучшее и только лучшее они превратили кондитерскую лавку в неприступную крепость хорошего вкуса и добросовестности. И если наша Вселенная – не просто бестолковая

машина для перемалывания вещества, то в каком-нибудь причудливом, но уютном измерении моя тетушка Хильда по сей день бредет в лавку сестер Синглтон за последним ржаным хлебом и шестью эклсскими слойками.

Я сидел в номере гостиницы «Ройял оушен», за окнами башни выл ветер, где-то внизу грохотал Атлантический океан, и сквозь года я вновь услышал тетушкино укоризненное: «Ну что же ты, Майлс!» Однако когда она произносила эти слова – а произносила она их очень часто, – в ее темно-карих глазах всегда появлялся едва уловимый озорной блеск. Теперь-то я понимаю, тетино неодобрение было напускным, а в душе она восхищенно аплодировала всем причудам и капризам своего мужа, коих у него был изрядный запас. В юности я, конечно, никогда всерьез не задумывался об их отношениях; они казались мне чем-то незыблемым и вечным, как Пеннинские горы. Но сейчас, плавая среди обломков чужих браков, я сознаю, каким необычайно крепким и счастливым был их союз. Временами они ругались, однако ничего даже отдаленно напоминающего серьезную ссору я не припомню. Тетя с дядей безупречно дополняли друг друга. Тайная подсознательная жизнь одного отражалась на лице другого. Печальные хлопоты, смертные одры и надгробные памятники, до которых дяде Майлсу не было никакого дела, давно стали привычным реквизитом тетиной общественной жизни; непринужденное сибаритство и паясничанье, что тетя сурово в себе подавляла, гордо выставлял напоказ дядя.

Он был приятным и добродушным толстяком, стабильно набиравшим вес, с внушительным и красивым лицом – такие часто бывают у американских политиков, которые обещают больше, чем в состоянии исполнить. Густая копна волос, пышные усы, танцующие голубые глаза и сияющие румяные щеки – так он выглядел. (Я перепробовал все современные приборы для бритья вплоть до последних чудес техники, но того поразительного эффекта, какого дядя добивался при помощи обыкновенной опасной бритвы, мне достичь не удалось.) У него было собственное маленькое дело – что-то загадочное, связанное с отходами шерстяного производства и идеально подходящее для человека с широким кругом интересов. Если йоркширский крикетный клуб играл на стадионе «Лордс» или «Овал», у дядюшки всегда находился повод отправиться по делам в Лондон; если же он хотел отдохнуть недельку в Моркаме, Фили или Йоркшир-Дейлз, то работа от этого ничуть не страдала; притом даже в рабочие дни у него оставалась масса времени на домино и шахматы, любители которых собирались в курительных комнатах многочисленных кофеен близ шерстяной биржи. Словом, то было идеальное занятие для весельчака, чья жена унаследовала кое-какую недвижимость. Брэддерсфордская текстильная промышленность беспечной довоенной поры без труда кормила сотни подобных везунчиков. Я буквально вижу, как они сидят за шахматными досками в дымке душистой «Виргинии» или «Латакии», неспешно шагают на трамвайную остановку или садятся в поезд, отправляясь смотреть крикет в Лондон или ловить треску на Уорфе. Днем дядя Майлс курил исключительно трубку – всегда одну и ту же смесь «Биржевую» из магазинчика Порсона на Маркет-стрит (весьма недурную, я бы и сейчас от нее не отказался); вечером же, потягивая коктейль за томиком Уильяма Джекобса, он любил выкурить сигару. Дядя вообще много чего любил: прогулки по вересковым пустошам, черничный пирог, парное молоко; сидеть на солнечной стороне крикетного стадиона, любуясь игрой Хирста, Родса или Хэйга; кларнеты и флейты гвардейского духового оркестра в парке, играющего Делиба или Массне; Генделя в старательном исполнении брэддерсфордского любительского хора; кривлянья Маленького Тича и Роби, «Шестерых счастливых» или Фреда Карно в мюзик-холле «Империял»; пироги со свиной, телятиной или ветчиной, чай с капелькой рома; коварно обставить противников в вист, а затем устроить шумную игру в шарады; резкие выпады Ллойда Джорджа или Филипа Сноудена против тори и разгромные статьи ведущих авторов «Манчестер гардиан». Нет, в моем дяде не было ничего бунтарского, и разжечь огонь революции ему бы никогда не удалось – да не шибко-то и хотелось, – однако он придерживался твердых прогрессивных взглядов, всегда готов был их отстаивать и часто поражал меня умением вести подобные споры. Дядя Майлс до сих пор

жил в той свежей и полной надежд атмосфере раннего лейборизма, когда партия еще не знала предательств, а ее структура не успела стать излишне запутанной. В те дни, казалось, старая добрая Англия – с ее крикетом, Уильямом Джекобсом, «Биржевой» табачной смесью, свинными и черничными пирогами и июньскими утрами на рыбалке – все еще поджидала нас за ближайшим углом.

В нашем доме часто бывали гости – друзья семьи. Дядя и тетя ездили с ними отдыхать в Йоркшир-Дейлз, ужинали и играли в вист. С кем-то они познакомились в Конгрегационалистском молитвенном доме Парксайда, который регулярно посещали. Другие, понятно, были соседи, ибо в Брэддерсфорде той поры, а может, и в теперешнем Брэддерсфорде, но уж точно не в других современных городах соседи быстро становились друзьями; никто и помыслить не мог об одинокой жизни в унылых коробках, которая в тридцатых годах XX века едва не свела с ума тысячи домохозяек из пригородов. Люди скромно и непринужденно делились друг с другом теплом и принимали его как должное. Потому-то в нашем доме так часто бывали гости. И хотя мой дядя и его друзья иногда посещали концерты, театры и мюзик-холлы, все же гораздо чаще, чем принято теперь, они развлекались сами и развлекали других, не перекладывая это бремя на плечи киношников и работников радио. Пусть я пилю сук, на котором сижу, но я твердо уверен: людям того времени жилось куда веселее, чем безвольным толпам нынешних кинозрителей и радиослушателей. Быть может, если бы широкая публика и сегодня умела развлекаться самостоятельно, современные фильмы и радиопередачи были бы вынуждены соответствовать куда более высоким требованиям: в противном случае люди, не страдающие от скуки, просто не стали бы их смотреть и слушать.

Однако тут мне пора остановиться, – ведь если я начну вспоминать всех чудаков, с которыми дружил мой дядя, я никогда не доберусь до Элингтонов. Ничего не поделаешь, рано или поздно кое-кто из них все равно появится в моем повествовании – так же внезапно, как они появлялись в нашем доме, – но провоцировать я их не буду.

Итак, мне – молодому человеку восемнадцати лет – надо было как-то устраиваться в жизни и в Брэддерсфорде. Обживаясь в своей комнате, будучи в самых добрых и теплых отношениях с дядей и тетей, потихоньку приходя в чувство после потери родителей, еще не мужчина, но уже не школьник, я начал оглядываться по сторонам и познавать этот новый мир шерсти, фабрик и вересковых пустошей. Затерянный в дыму среди Пеннинских гор, оцетинившийся высокими фабричными трубами, с лицом из почерневшего камня, Брэддерсфорд считается неприглядным городом. Однако его неприглядность зачастую не отталкивает, а, наоборот, притягивает; он мрачен, но не убог. Вересковые пустоши были здесь испокон веку, и горизонт испокон веку вселял надежду. Ни один брэддерсфордец не мыслил жизни без гор и голубого воздуха; одна его нога всегда была по колено в вереске; стоило лишь заплатить два пенса за проезд в трамвае и затем полчаса карабкаться вверх, чтобы услышать жаворонков и кроншнепов, понежиться на древних скалах, прогретых солнцем, и полюбоваться дрожащими на ветру колокольчиками. В ясные дни, когда вдаль хорошо просматривались горы, улочки центрального Брэддерсфорда под зыбким пологом дыма казались мне особенными и по-своему очаровательными: они существовали на грани между тусклым золотом и серой мглой. Вот и теперь на любом задымленном железнодорожном вокзале ярким солнечным днем я сразу вспоминаю Брэддерсфорд: как я изо дня в день шагал на работу в «Хавес и компанию» по Кэнэл-стрит. И еще мне приходят на ум строчки из Йейтса, Хаусмана, де ла Мара и Ральфа Ходжсона – просто потому, что в те дни они подобно жирным золотым пчелам непрерывно жужжали у меня в голове. Я подолгу размышлял о смысле стихов у себя в комнате, носил самые выразительные и волшебные строки с собой по улицам и порой орал их во все горло, как дурак – пугая овец, – посреди ветреных вересковых пустошей. Все говорят, что современная поэзия очень хороша, но я что-то не представляю, как ее можно орать с горной вершины; я вообще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь цитировал современных поэтов. Да, все меняется, и поэзия

тоже. Однако те стихи, которыми я восхищался в 1912-м, можно было твердить про себя снова и снова, как волшебное заклинание, или вытащить наружу и носить, как яркий шарф.

Примерно в то же время, когда мы начинаем восхищаться волшебством поэзии, в нашей жизни появляется и другая магия – ее творят удивительные незнакомцы и незнакомки, которых мы лишь мимоходом видим в трамвае и даже не чаем узнать поближе. Среди каменных джунглей города, по которому мы бродим, нам встречаются чудесные создания из неведомого и доселе невообразимого племени. Потом, становясь старше, мы тоже знакомимся с интересными людьми, но это уже не то: загадка, магия, мечты о ярких неизведанных мирах нас более не преследуют. Я до сих пор помню, как они преследовали меня в те первые месяцы в Брайдсфорде.

Самая короткая дорога из района Бригг-Террас в центр города – это мрачная и унылая Уэбли-роуд, по которой, стая и раскачиваясь, бродят туда-сюда высокие трамваи. На них я и ездил, одинокий и неприкаянный, мучимый той сумасшедшей смесью гордости и застенчивости, какая обычно свойственна молодым людям. Именно в трамвае я впервые заметил одну любопытную компанию, в ней обычно было от трех до восьми-девяти человек, но удивительный дух ее при этом оставался неизменным. Они принадлежали тому самому загадочному и чудесному племени, живущему более полной жизнью, чем я. В трамвае я старался сесть как можно ближе к ним; встречая их случайно на улице, я непременно переходил дорогу, чтобы идти с ними по одному тротуару. Если же на несколько дней они исчезали, мне начинало казаться, что вступил в силу страшный и несправедливый приговор к изгнанию – причем изгнали не их, а меня.

Я понимал, что сердце компании составляет какое-то семейство, однако отличить родственников от друзей мне не удавалось. Несколько раз я видел в трамвае возможного отца: довольно высокий и темноволосый человек без шляпы, в старом твидовом костюме, с большими залысинами спереди, но густыми седеющими волосами сзади и овальным добродушным лицом. Матерью была, как я догадывался, красивая женщина тихого нрава. Но кто были дети, а кто – друзья детей, оставалось для меня загадкой. Был среди них один юноша на год или два старше меня, в костюме из плотного твида и развевающимся галстук, всегда растрепанный, громко хохочущий и с вишневой курительной трубкой. Я не хотел признавать, что он мне интересен, однако в глубине души испытывал восхищение и чувствовал себя почти униженным, видя и слыша его бравату. Руки у него постоянно были чем-то заняты – книгами, пластинками или даже продуктами, – и он мог в три секунды занять четверть трамвайного салона. Но особенный душевный трепет вызывали во мне девушки – королевы и принцессы великолепного таинственного племени. Среди них была одна совсем юная, чуть неряшливая, всегда сверкавшая зеленым взбудораженным взором. Другая девушка – нежная, улыбочивая, белокурая – часто ехала в сопровождении высокого черноволосого юноши, которому я страшно завидовал. Третья, постарше, со сливочно-белым лицом, темными бровями и огромными серыми глазами, первой обратила на меня внимание в трамвае: она бросила на меня веселый взгляд и тем самым как бы отметила мое присутствие – до сих пор я для чудесного племени не существовал. Все они были чрезвычайно увлечены собой и своими делами. Подгоняемые неопрятным юнцом и зеленоглазкой, они каждый вечер спешили на какое-нибудь увлекательное мероприятие или возвращались домой, где их ждало что-то еще более увлекательное. Разговорчивые члены компании без конца болтали и часто спорили, но даже молчаливые оставляли четкий след на волшебной ауре группы. Я смотрел на них из внешнего мрака, разинув рот, околдованный и печальный. Они жили дальше по Уэбли-роуд, чем я; больше я ничего об этой компании не знал. Порой в надежде на встречу я ходил в том направлении гулять. В глубине моей души теплилась дерзкая вера в то, что когда-нибудь в результате удивительного стечения обстоятельств я попаду в зачарованный сад их дома и передо мной откроется дверь в светлую гостиную, полную улыбочивых и яркоглазых девушек, – чтобы впредь никогда не закрываться.

Однако я лишь вновь и вновь блуждал в лабиринте пригородных улочек и переулков, не находя заветного дома. Чудесные создания встречались мне – всегда внезапно и как по волшебству – исключительно на Уэбли-роуд. Оставалось загадкой и то, кто они такие. Когда я ехал в трамвае с тетей или дядей, как назло, их в нем не было, а мои подчеркнуто небрежные расспросы результатов не дали. Пришел октябрь с его едким запахом дыма, а я все бродил по меркнувшим улицам и переулкам, пиная кучи мокрых кленовых листьев. Загадочная компания мне уже давно не встречалась. Точно бабочки-малинницы, они исчезли вместе с летним солнцем.

– Что ж, Грег, – сказал дядя Майлс одним октябрьским днем, – похоже, я тебя устроил. Конечно, тебе придется сходить в контору и самому посмотреть, ответить на несколько вопросов и все такое, но дело в шляпе.

Я сразу понял, что речь идет о моей работе, поскольку он хлопотал на этот счет с начала сентября. С несколько преувеличенным восторгом я спросил, куда меня берут. Дядя Майлс сиял и ликовал.

– Работа немного не по моей части, – ответил дядя, который иногда всерьез считал себя очень деловым человеком. – Она связана с торговлей шерстью, а не с производством.

– Рада слышать, – вставила тетя Хильда. – Там вертятся настоящие деньги, Грегори. С сырьем никогда не прогадаешь: покупай себе да продавай, даже руки пачкать не придется. Вмиг заработаешь целое состояние.

– Ну, тут я бы поспорил, – возразил дядя.

– Не глупи, Майлс. У нас миллион таких знакомых. Богачи! А ведь двадцать лет назад многие из них ютились в крошечных домишках, за душой у них и десяти фунтов не было. Вспомни хотя бы двоюродного брата мужа Харриет, того самого, чья жена безвременно скончалась. Помню, видела бедняжку у доктора Фосета...

– Вот привязалась ты к этому доктору Фосету! – вскричал дядя Майлс, подмигнув мне. – Грегу неинтересно слушать про врачей, он хочет узнать про свою новую работу, верно я говорю? Ну так слушай, фирма называется «Хавес и компания», их контора находится на Кэнэл-стрит. Они малость отличаются от остальных шерстяных фирм, ребята с манерами и претензией, так сказать. Тебе как раз по душе придутся. Вообще-то это лондонская контора, а здесь у них филиал. Торгуют невытой шерстью, кроссбредной и мериносовой, работают и на внутреннем, и на международном рынке. Джо Экворт на них трудится, – сказал он тете, которая, очевидно, была знакома с Джо Эквортом. – Я встретил его сегодня в «Тублине»...

– А что это ты с утра пораньше делал в «Тублине»? – спросила тетя Хильда. «Тублин» был известным баром-рестораном на Маркет-стрит.

– Рассказывал Джо Экворту про Грегори, – поспешно ответил дядя и снова обратился ко мне: – Завтра идешь в контору на собеседование. Джо говорит, что это вообще-то не его дело, он закупщик, но все будет хорошо. Я ему сказал, что ты немного знаешь французский и немецкий, Грег. И что тебе очень хочется освоить профессию. Джо пообещал замолвить словечко. Он завтра будет в конторе, но тебе надо спросить мистера Элингтона, это твой будущий начальник. Я про него слышал, хотя лично не знаком. Он не местный, из Лондона приехал.

– Элингтон? – Моя тетя принялась рыться в обширных кладовых своей памяти. – Кажется, миссис Рэнкин знакома с этой семьей. Они живут за кладбищем, со стороны Уэбливуд. Помню, миссис Рэнкин рассказывала, как миссис Элингтон натерпелась горя с одним из детей – ребенок чуть не умер от аппендицита. – Тетя повернулась ко мне: – Надень завтра свой синий костюмчик, хорошо?

– Да он в любой одежде будет выглядеть лучше Джо Экворта, – сказал дядя.

– Ну что же ты, Майлс! Наш Грегори не Джо Экворт, он должен выглядеть опрятно и произвести хорошее впечатление. Это уже половина дела! – заявила тетя, ни разу в жизни не бывавшая в конторе фирмы, торгующей шерстью. – Тем более мистер Элингтон не местный, наверняка какой-нибудь лондонский щеголь, разряженный в пух и прах. – Тете Хильде, как

и большинству браддерсфордцев тех лет, казалось, что в Лондоне живут сплошные денди и распутники.

Итак, на следующее утро я сел в трамвай и отправился в город, сам разряженный в пух и прах: на мне был мой лучший синий костюм, высокий накрахмаленный воротничок и черный вязаный галстук – из тех, что пользовались страшной популярностью в те годы, а сегодня их нигде не увидишь. От Смитсон-сквер я пошел вниз по Кэнэл-стрит – короткой улице, бегущей промеж высоких каменных складов, похожих на черные крепости, – и оказался в незнакомом мне квартале: между закопченной громадой Мидлэндского вокзала и жирным гороховым супом канала. Копыта огромных ломовых лошадей вышибали искры из мостовой. Всюду сновали мужчины в матерчатых кепках и клетчатых рабочих комбинезонах либо в фартуках, которые местные называют передниками. И еще этот квартал очень дурно пах; особенно отталкивающий смрад шел от кожевни.

Контора «Хавеса и компании» находилась на первом этаже мрачного темного здания. Немного помедлив, я постучал в маленькое закопченное окошко под надписью «Справочная». Оно тут же распахнулось, и в нем возник рыжий веснушчатый подросток лет пятнадцати. Я представился ему и объяснил, зачем пришел. Откуда-то изнутри тут же раздался оглушительный злой голос, который с ярко выраженным йоркширским акцентом произнес:

– Пусть идет ко мне!

Мальчишка открыл дверь и впихнул меня в длинную узкую комнату. Вдоль стены с окнами помещалась длинная стойка, а противоположная стена была до потолка заставлена корзинами и коробками с образцами шерсти, завернутыми в голубую бумагу. К стойке привалился крепкий человек средних лет с широким грубым лицом, на котором тоже были передник и старая матерчатая кепка – совсем крошечная и оттого делавшая его похожим на комедианта. Человек посасывал пустую трубку, кряхтел, страшно хмурился и всем своим видом напоминал разъяренного кабана.

– Вот он, мистер Экворт, – сказал мальчишка.

– Знаю! – проорал мистер Экворт. – А теперь бегом в испытательный центр, живо, живо!

Мальчишка, чьи рыжие волосы и веснушки в этом свете горели еще ярче, ничуть не испугался этого оглушительного крика. Он кивнул, весело улыбнулся, сорвал с себя передник, бросил его на крючок у двери и, посвистывая, удалился.

Мистер Экворт хорошенько ко мне пригляделся, а я, помню, мгновенно почувствовал себя болваном: угораздило же меня так вырядиться!

– Ты тот самый малый, о котором вчера толковал старый Майлс Лофтхаус? – закричал мистер Экворт. – Как бишь тебя? Запомятовал!

– Грегори Доусон, – ответил я, напуская на себя беспечный вид.

– А, ну да, ну да. Как я мог забыть? – Он перестал кричать и перешел на невнятное бормотание. – Знавал я твою матушку. Мы с ней вместе пели в Конгрегационалистском хоре Парксайда лет двадцать пять назад, когда я был еще молод и сдуру решил, что умею петь. Худшего тенора этот хор еще не видал, ты уж мне поверь. Она вышла замуж за малого по имени Доусон и упорхнула с ним в Индию, так было дело? – Он снова окинул меня внимательным взглядом. – А ты, что ли, франт?

Тут я рискнул и улыбнулся:

– Нисколько. Это тетя меня заставила надеть все самое лучшее.

– Так и подумал. – Мистер Экворт издал что-то вроде сдавленного смешка. – Мы с ней знакомы. Она из очень благовоспитанной семьи. Для некоторых ее родственников эта благовоспитанность оказалась несовместима с жизнью. В нашем деле что-нибудь смыслишь?

Я честно признался, что нет.

– Не беда. Я еще и не таких малых на бирже встречал: должности ого какие, а в шерсти разбираются не лучше, чем я в женином рукоделье. Ну, говори, что это? – Мистер Экворт

грохнул кулаком по стойке, подняв облачко пыли, взял голубой сверток и, развернув, показал мне.

– Немытая шерсть, насколько я понимаю.

– Неправильно понимаешь! – проорал мистер Экворт и вытряхнул содержимое свертка на стойку. – Это верблюжья шерсть, со всей положенной мерзостью. – Он показал пальцем на грязь и кусочки засохшего навоза. – Она приехала сюда напрямиком из какой-нибудь пустыни, так что присмотришься к ней хорошенько. Ты небось думал, что в Браддерсфорде одни темные неучи да простачки живут, так вот знай: мы бываем во всех частях света, и все части света бывают здесь. Заруби это себе на носу, малый.

Тут его позвали к телефону, который висел рядом с дверью. По телефону мистер Экворт разговаривал еще более грубо и без обиняков.

– Ты своему Бутроиду скажи, чтоб не наглез! – закричал он в трубку. – Цену свою мы назвали, и сверх того он ни пенни не получит! Слышал я эти байки да не раз. Стоит вам товаром разжиться, так сразу песню заводите: кроссбредная, мол, дорожает... Хватит! Или я беру шерсть, как договаривались, или ищите себе другого покупателя, мне плевать! – Он с грохотом водрузил трубку на место и с улыбкой повернулся ко мне. – Поднять цену вздумали. Ох уж этот Бутройд! К обеду они примут мое предложение, вот увидишь. Ладно, попробуй завернуть этот образец.

С первым заданием я справился хуже некуда – боялся испачкать костюм, да к тому же шерсть и грязь не желали помещаться в жалкий огрызок бумаги. Однако моя неудача как будто пришла мистеру Экворту по душе.

– Да не так надо! – проорал он и оттолкнул меня в сторону. – Вот гляди, малый. Как следует все уминаешь, потом заворачиваешь. Смотри и учись, тебе этим делом часто придется заниматься, если будешь со мной работать. И вот еще что. Мистер Элингтон может дать тебе должность в конторе, а юного Эллиса назначить мне в помощники, но я бы на твоём месте остался здесь: со мной уму-разуму быстро научишься.

Я сказал, что для этого и пришел.

– Ага, – кивнул он без намека на одобрение, – уж наверняка. Однако работу тебе еще не дали, учти. Решение принимаю не я, я могу только словечко замолвить. Главный у нас мистер Элингтон, повидайся сперва с ним.

– Мне так и сказали. Он сейчас у себя?

– Да, но пока занят. Мы вообще-то делом занимаемся, а не только языками треплем. Погоди, я схожу гляну.

Мистер Экворт вышел в другую дверь, которая вела, по всей видимости, в контору: оттуда донесся стрекот пишущей машинки и чей-то голос, разговаривающий по телефону. Минутой позже донесся вопль мистера Экворта: он приглашал меня войти. Я очутился в сравнительно небольшом кабинете на несколько человек, с высокими бюро и длинноногими табуретами, словно сошедшими со страниц диккенсовских романов. Чувствуя себя почти Николасом Никльби, я прошел контору насквозь и встал рядом с мистером Эквортом в дверях личного кабинета мистера Элингтона.

– Вот он, – объявил мистер Экворт. – Грегори Доусон. Я знаком с его дядей, а раньше знавал и матушку. По-моему, славный и разумный малый. – С этими словами он вышел вон, оставив меня наедине с мистером Элингтоном.

– Здравствуйте! – с улыбкой произнес тот. – Присаживайтесь и минутку подождите, хорошо? – Он начал подписывать какие-то письма.

Задержи мистер Элингтон взгляд на две-три секунды, он, пожалуй, счел бы меня полумным. Я глядел на него с разинутым ртом. Меня, как любили говорить в Браддерсфорде, точно обухом по голове огрели. Если бы за дверью очутился царь Приам или колдун Мерлин,

я бы вряд ли удивился сильнее. Мистер Элингтон оказался тем самым высоким темноволосым отцом волшебного семейства из трамвая.

Он поднял голову, и его овальное, довольно морщинистое лицо расплылось в улыбке.

– Не первый раз меня видите?

– Д-да, сэр, – выдавил я.

– У вас на лице написано. – Он вновь широко улыбнулся, показывая, что ничего страшного в этом нет. – Я уже почти закончил.

Я бы скорее принял его за доброго и веселого школьного учителя, нежели за серьезного коммерсанта. Залысины, обрамленные густыми курчавыми волосами, похожими на стружку темного олова, придавали ему сходство с высоколобым профессором. У него были густые брови и довольно глубоко посаженные глаза зеленовато-коричневого цвета, которые то и дело чудесно вспыхивали. (Наверняка он приходится отцом той девушке с горящим взором зеленых глаз.) Нос был небольшой, а верхняя губа и длинный узкий подбородок придавали лицу комичную вытянутость. Было в его внешности что-то от актера – что-то драматично-шекспирово-бенсоновское – и одновременно от учителя. А может, немного и от поэта или художника? Он был одет в старый твидовый пиджак, серую шерстяную рубашку и вылинявший зеленый галстук из поплина. Словом, ни намек на щегольской синий костюм или высокий воротник. Мне тут же захотелось сказать, что и я не имею обыкновения так одеваться.

– Так где мы встречались? – спросил он, по всей видимости, закончив с письмами.

Я немного поколебался и ответил, что видел его в трамвае на Уэбли-роуд.

– Мы кого хочешь заболтаем, правда? Мои родные часто ведут себя так, словно им принадлежат все на свете трамваи, особенно сын и младшая дочь.

– Которая с зелеными глазами и всегда чем-то взволнована?

Мистер Элингтон рассмеялся:

– Это Бриджит. А вы наблюдательны, Доусон.

– Я не мог не заметить этих девушек, сэр. Две другие тоже красавицы, одна брюнетка, одна блондинка.

– Ну, к вашему сведению, брюнетку зовут Джоан, а блондинку – Ева. – Тут он умолк, перестал улыбаться и нахмурил густые брови, чем на секунду меня встревожил. Но потом я заметил, что строгость эта наигранная. – Послушайте, молодой человек, я вас пригласил не затем, чтобы о моей семье поболтать. Если вы желаете работать на нас, то будьте добры ответить на несколько вопросов, ясно? Впрочем, вы тоже наверняка хотите о многом расспросить. Итак, посмотрим...

Следующие несколько минут я рассказывал ему о себе. Преодолев первое потрясение и робость, я обнаружил, что с мистером Элингтоном очень легко и приятно беседовать. Он не ждал почтительного обращения, не выставлялся и не вел себя покровительственно, и это сразу мне понравилось. Убедившись, что считать я умею, он попросил меня немного попереводить с французского, затем я кое-как объяснился с ним по-немецки. Все прошло как нельзя лучше.

– Что ж, Доусон, – задумчиво глядя на меня, сказал мистер Элингтон, – можешь приступить к работе, как только захочешь. Платить будем фунт в неделю – больше ты на первых порах нигде и не заработаешь. Можешь начать в конторе, а можешь помогать мистеру Экворту с образцами. Ему нужен помощник, а Эллис, сдается, предпочел бы работать в конторе. Вы с мистером Эквортом уже познакомились, он наш закупщик – и весьма дельный. Как тебе кажется, вы смогли бы найти общий язык?

Я честно ответил, что смог бы, поскольку разгадал за громким голосом и скверным нравом мистера Экворта лишь игру в колоритного броддерсфордца.

– Значит, ты умнее юного Эллиса, – с улыбкой произнес мистер Элингтон. – С мистером Эквортом ты многому научишься, да с ним и куда интереснее. Однако трудиться будешь не покладая рук, Доусон. Как тебя зовут? Грегори? Работа грязная, так что обзаведись парой

комбинезонов и фартуков – передников. Открываемся мы в девять утра. Твое место, стало быть, в комнате для образцов.

Напоследок мистер Элингтон задал мне еще один вопрос:

– Кстати, Грегори, интересы у тебя есть? Хобби, увлечения?

– Ну, я пытаюсь немножко писать...

– Стихи или прозу?

– И то и другое. Еще я много читаю, люблю гулять, слушать музыку...

Он просиял:

– Молодец, молодец! Я тоже все это люблю, разве что писать не пытаюсь – давно поставил на этом крест. Думаю, мы поладим. Твой предшественник, который уволился пару недель назад, ничем не интересовался, кроме марок. Глупое стариковское увлечение – меня это всегда беспокоило. А теперь ступай, Грегори, и передай мистеру Экворту, что у него появился помощник.

Не знаю, удалось бы мне вспомнить, что я тогда сказал мистеру Экворту и каков был его ответ (что куда интересней), но ровно в ту секунду, когда я возвращался из конторы в комнату для образцов, тридцать с лишним лет спустя в моем номере гостиницы «Ройял оушен» зазвонил телефон. Это был Brent, разумеется.

– Как дела, Грег? – спросил он.

Я ответил, что очень продуктивно поработал сегодня и не вижу причин, почему бы не повторить успех завтра.

– Не повторишь, – сухо произнес он. – Сегодня прилетела Элизабет – на две недели раньше условленного. – Brent имел в виду Элизабет Эрл, голливудскую звезду первой величины, которую мы пригласили сниматься в «Леди наносит ответный удар». – Она хотела поговорить с тобой по телефону – мол, вы давние друзья, – но я велел ей укладываться спать, после перелета она немного не в своей тарелке. Суть не в этом. Завтра она придет к тебе в гости. Говорит, хочет прочесть сценарий и не светиться пока в городе. Я занят по горло, так что с ней придет Адонай, ему как раз на месте не сидится, бродит всюду как неприкаянный. И Джейка я отправлю с ними. – Джейк был рекламный агент. – Они прибудут к чаю, номера уже забронированы, поэтому тебе ничего делать не надо. Если ты и впрямь такой душка, как говорит Элизабет, просто ублажай ее и не расстраивай. Она немного не в себе из-за перелета, конечно. Проблем с ней быть не должно. Но у меня есть подозрение, что она с Адонаем не поладит.

– Мне тоже так кажется. Лучше бы они ненавидели друг друга в Лондоне. Лучше бы сюда вообще никто не приезжал. Впрочем, как я понимаю, этому уже нельзя помешать.

– Даже не пытайся, – сказал Brent. – Чем ты там занимаешься? Пьешь? Думаешь? Или и то и другое?

– Просто думаю. О своем прошлом.

– А Элизабет в этом прошлом есть? Судя по ее тону, да.

– Нет, разумеется. В те времена, которые я сейчас вспоминал, она еще пешком под стол ходила. Я думал о довоенной поре. О 1912 году, если точнее. Я ведь уже старик, Brent.

– Завтра вечером ты будешь другого мнения. – Он хохотнул. – погоди, пока не увидишь Элизабет. Она, конечно, не в моем вкусе, но посмотреть на нее приятно. Ну, бывай! Ее душевное спокойствие на твоей совести.

На минуту-другую меня одолели одиночество и печаль, как бывает после междугороднего звонка от давнего приятеля. Хотя было уже поздно, мне захотелось одеться и пропустить рюмочку в баре, заодно и поболтать с кем-нибудь. Я поборол это желание, занявшись делом: прочистил трубку и открыл новую жестянку табака (одна из маленьких радостей моей жизни). Затем я вернулся в кресло, выбросил из головы все мысли об Элизабет Эрл, Георге Адонае и завтрашнем дне; поплутав несколько минут в воспоминаниях, я вновь очутился в довоенном Брайдерсфорде.

Глава третья

Когда начинаешь усердно что-нибудь вспоминать, удивительно, сколько всплывает подробностей – подчас самых мелких и ничтожных. Но разумеется, все вспомнить нельзя. Например, в моей памяти сохранилось, что рыжеволосого мальчишку из конторы звали Бернард (менее подходящее имя при всем желании не придумаешь), а вот его фамилию я начисто забыл. То же самое с пухлой белокурой машинисткой в очках, часто запотевавших от слез, которая состояла в долгой безотрадной помолвке с учителем физики из Векфилда: помню лишь, что ее звали Берта. Кроме них, в «Хавесе и компании» работали только два человека: Гарольд Эллис, всего на год или два старше меня, и кассир Крокстон. Эллис, вероятно, жил полной и увлекательной жизнью за пределами конторы (насколько я знаю, его высоко ценили в местных фотографических кругах), но на работе он был настолько тускл и невыразителен, что казался ненастоящим. Зато очень даже настоящим был Крокстон, и я его недолюбливал. Холостяк средних лет, опрятный и хорошо одетый, с длинным носом и востренькими усами, он усердно пытался избавиться от местного говора, и потому его речь звучала как-то особенно фальшиво. Вообще-то человек он был способный и талантливый, владел многими иностранными языками, и дело у него ладилось, но за фальшивой речью и помпезностью то и дело проskalзывало что-то крысиное и суетливое: спустя тридцать лет такого типа люди неизбежно превращались в коллаборационистов и квислингов. Он невзлюбил меня с первого взгляда, главным образом потому, что его мнения о моей кандидатуре никто не спрашивал. Прирожденный интриган, он решил, что Джо Экворт (которому он всегда завидовал) нанял меня за ним шпионить.

К счастью, мне почти не приходилось бывать в конторе, поскольку большую часть времени я работал с мистером Эквортом. Свободное от упаковки и доставки образцов время я проводил наверху, на складе, занимавшем всю остальную часть здания. Заправлял складом чудаковатый старик Сэм. В молодости он служил сержантом в армии, побывал и в Африке, и в Индии, где покалечил одну руку и потому всегда ходил в одной перчатке. Странные глаза были воплощением его двойственной натуры: один, неподвижный, смотрел свирепо, по-военному, а другой жил отдельной жизнью, бегал туда-сюда и дружелюбно подмигивал. Когда настроение у старика Сэма менялось, он всегда поворачивался к вам соответствующим глазом. Они с Джо Эквортом часто ссорились и, стоя примерно в ярде друг от друга, грозно орали во всю силу своих легких. Примерно дважды в месяц старик Сэм напивался вдрызг, обычно по пятницам, и на следующее утро приходил поздно, с подбитым глазом или щекой, держался очень холодно и по-военному чопорно. Он был ярым последователем свободомыслия и в обеденное время, сидя в своей грязной каморке, медленно проговаривал излюбленные отрывки из философских произведений. Порой, когда я вместе с ним дожидался какого-нибудь груза, мы вступали в дружеские, но бессмысленные споры о Боге, церквях и церковных лицах. Он нес много вздора – хотя, подозреваю, я тоже. Любимым выражением старика Сэма, которое он употреблял к месту и не к месту, было «это разумно». Его суждения были тем «разумнее», чем сумасброднее. Зато он разделял мою нелюбовь к Крокстону, который постоянно совал свой нос в складские дела; и хотя они с Джо Эквортом регулярно спорили, вскоре я обнаружил, что старик Сэм, как и я, питает к последнему самые теплые чувства.

Изыюминка Джо Экворта, к которому я очень быстро проникся, заключалась в его готовности неустанно, днем и ночью играть одну и ту же характерную роль. Такое поведение – в точности до жеста – было свойственно многим браддерсфордским коммерсантам той поры. По долгу службы им приходилось много путешествовать и бывать в самых разных частях света; и вот они решили, что, раз настоящими космополитами им все равно не бывать, надо вести себя как можно более простецки и нарочно утрировать все черты жителей Уэст-Райдинга –

говорить с подчеркнутым акцентом, напускать на себя безразличие и сварливость, делать вид, что их интересуют только деньги, еда, спиртное и толстые сигары. (Уильям Хадсон писал, что один его такой знакомый каждый год ездит в один и тот же лес слушать соловьев.) Именно таким человеком был Джо Экворт. За грозным криком и пустыми угрозами скрывался чувствительный романтик, куда более чуткий, чем жеманный и утонченный Крокстон. Среди прочего он очень любил розы и даже занимался выведением новых сортов, каждый год посылая подборку своих цветов на знаменитую выставку в Солтейре. Как я вскоре с удивлением выяснил, мистер Экворт был человеком начитанным, хорошо разбирался в исторической и классической литературе; именно он дал мне собрание русской прозы в переводах миссис Гарнетт. «Вот будет тебе пища для размышлений, – сказал он. – Эти ребята писали про настоящую жизнь, никаких тебе волшебных сказочек для школьников. Я бывал в России – всего раз, – и вот что я скажу: если они когда-нибудь захотят избавиться от своих великих князей, весь мир вздрогнет. Запомни мои слова». Я запомнил – и в будущем вспоминал его пророчество не раз.

Мистер Элингтон понимал и ценил Джо Экворта, и хотя временами они не сходились во мнении (однажды я стал свидетелем крупной ссоры: мистер Элингтон побелел от гнева, а Джо побагровел от ярости), все же стали отличной командой, в которой каждый знал свое место и предназначение. Экворт – он занимался не только закупками, но и сбытом – никогда не замахивался на самых крупных зарубежных клиентов, считая, что с ними куда лучше справится обходительный мистер Элингтон. Тот, в свою очередь, разумно полагал, что Джо нет равных на местном рынке. Мистер Элингтон часто бывал и в комнате для образцов, и на складе (кроме того, его иногда вызывали в лондонскую штаб-квартиру «Хавеса и компании», а порой он отправлялся в короткие командировки на континент), однако меня постигло разочарование: хотя мы нередко общались, ближе к его волшебному семейству я так и не стал. За пределами конторы я мистера Элингтона никогда не видел, и больше о своих родных он не заговаривал. Все это было вполне понятно и ожидаемо, тем не менее после чудесной встречи с патриархом заветного семейства я надеялся на большее. Вдобавок теперь, когда я видел мистера Элингтона каждый день и был с ним практически на дружеской ноге, они почему-то перестали встречаться мне в трамвае. Я смутно подозревал, что это вина самого мистера Элингтона, что он каким-то образом развеял волшебные чары, и невольно я стал проникаться бо'льшим уважением к мистеру Экворту, нежели к нему. Мистер Экворт, впрочем, был очень высокого мнения об Элингтоне – необычайно высокого, если учесть, что последний приехал с предательского и вероломного Юга.

Однако, немного разочарованный и утративший веру в волшебство, я все же потихоньку обживался в Брэддерсфорде. Я записался в центральную библиотеку, которая находилась неподалеку от Кэнэл-стрит, и таскал домой увесистые тома Уэллса и Беннетта, Честертона и Шоу, Йейтса и Джорджа Мура – все в одинаковом темном переплете. Я охотился за дешевыми букинистическими изданиями на крытом Большом рынке, питался скудно, но замысловато в восточных кафе с бамбуковой мебелью, вкусно, дешево и обильно на рынке, где, сидя на деревянной лавке, уминал огромные порции картофельно-мясной запеканки, жареного хека или трески. Я ходил на литературные чтения в Брэддерсфордском обществе театралов, где завел несколько друзей и испытал первые смутные порывы страсти к хорошенькой школьной учительнице, которая была старше меня на десять лет и даже не догадывалась о моем существовании. Я покупал билеты на ежемесячные концерты музыкального общества в огромном «Глэдстон-холле», где оркестр Халле исполнял для нас Бетховена и Брамса, а также ходил на все нечастые воскресные концерты Брэддерсфордского симфонического оркестра – в нем играли две самые нерешительные валторны, какие мне доводилось слышать, столь робкие, сомневающиеся и скорбные, что все слушатели с облегчением выдыхали в конце соло. А порой в компании дяди Майлса (когда тетя Хильда отпускала его из дома) я отправлялся на «ночное» представление в мюзик-холле «Империал», где, сидя на протертых плюшевых сиденьях в бельэтаже

(билет на эти места стоил один шиллинг шесть пенсов), мы слушали Маленького Тича и Джорджа Роби, Весту Тилли и Мэйди Скотт (потрясающе бойких комедианток), Джека и Эвелин (Джек был невероятно талантливый юморист-импровизатор), а также великолепного комика с круглым лицом, невозможными усищами и потешными ужимками – то был Джимми Лирмаут, один из лучших комиков на свете, который много пил и умер молодым. Мы читали в газетах о фантастических гонорарах этих звезд (сто фунтов в неделю!), и тогда, конечно, я и подумать не мог, что однажды стану работать с актерами, гонорары которых будут в десять раз больше, а талант – в десять раз меньше. Сомнительное достижение. Вспоминая те водевили и делая скидку на свою юность, а также на заразительный восторг дяди Майлса, я теперь сознаю, что в тех шумных дымных залах с протертым плюшем и тусклой позолотой, скверными оркестрами и разноцветными прожекторами на галерке мы наслаждались восхитительным бабьим летом народного искусства – уникального искусства, полного смака и иронии, душевного подъема и безграничного юмора английских рабочих, трудящихся на фабриках, в литейных цехах и закопченных многолюдных городишках; искусство это успело расцвести и прийти в упадок в течение одного века, но, прежде чем растерять последние жизненные силы, заронило семена теплой человечности по всему темнеющему миру – и отправило безвестного комика Чаплина в Калифорнию, откуда он покорил всю планету.

Обзаведясь работой, домом и приятным досугом, я был более чем доволен своей жизнью. Но именно тогда мне захотелось – и с тех пор хотелось всегда – чуть большего: ощущать прикосновение того чудесного и волшебного, что позволяет забыть об устройстве жизни, о бухгалтерских книгах удовольствия и скуки (все это, полагаю, означает только одно: я по сути своей безнадежный романтик). Куда же пропали заветная компания и таинственный яркий мир, который сулили эти люди? Спокойные туманно-дымные летние утра осыпались мертвыми листьями, и пришла зима: черный дождь падал на Уэбли-роуд, на Кэнэл-стрит и Смитсон-сквер, через которую я часто бегал на почту отправлять образцы, а ясными днями вдалеке виднелись припорошенные снегом горы. В Бригг-Террас начался сезон виста и закупки карточек с прикрепленными к ним карандашами (для игры в «променад»), призов самым лучшим и самым худшим игрокам, а тетя Хильда и ее подруги пекли вкуснейшие фунтовые кексы и пропитанные хересом бисквиты. На воротах церкви появлялись (с каждым годом все раньше) афиши с датами «Мессии» Генделя. Ватный снег и искусственные листья остролиста в витринах уже намекали на приближение Рождества. «Мистер Пафф», автор театральной колонки в «Браддерсфорд ивнинг экспресс», начинал упоминать имена возможных «главных мальчиков» и комиков в ежегодной гранд-пантомиме Королевского театра. И вдруг без всякого предупреждения, словно какой-то полубог дернул за ниточку, началась моя настоящая браддерсфордская история.

Помню ее скромный пролог. Однажды, ближе к концу рабочего дня, когда Бернард – конторский служащий – отправился по делам, а за дверью следить оставили меня, я услышал, как она хлопнула. Я сразу вышел навстречу посетителю, поскольку мы ждали доставки образцов. Но это был не курьер, а девушка – я мгновенно узнал ту самую, из трамвая, которая однажды бросила на меня заинтересованный взгляд: бледное лицо, темные брови и большие серые глаза принадлежали дочери мистера Элингтона по имени Джоан.

– Мой отец... мистер Элингтон у себя? – спросила она, пряча взгляд.

– Э-э... пока нет, – виновато произнес я, словно это была моя вина. – Но должен скоро вернуться, – добавил я, хотя понятия не имел, куда он ушел и скоро ли будет. – Подождете в его кабинете?

Немного помедлив, она ответила, что подождет, и я проводил ее в кабинет мистера Элингтона – хотя дорогу она, конечно, знала. Там Джоан окинула меня внимательным взглядом (серьезный, ровный и открытый, он производил куда большее впечатление, чем ее речь), и я четко помню, как покраснел.

– Вы Грегори Доусон? – спросила она.

В тот миг я испытал абсолютное, кристально-чистое счастье. Я существовал. Мало того, о моем существовании знала волшебная компания. Запинаясь и робея я ответил «да».

– А я Джоан Элингтон, – произнесла она, сверкая спокойными и ясными серыми глазами в обрамлении темных ресниц. – Я пару раз видела вас в трамвае.

– Да. – Я немного помедлил, затем все же набрался храбрости и выпалил: – Я все гадал, кто вы такие. Наверно, вы заметили, как я глазею...

– Было такое. – Она улыбнулась. – Но я вас понимаю. Мы всегда ужасно шумим.

– Нет, дело не в этом. Вы показались мне... интересными.

Это жалкое слово я почему-то выдал извиняющимся тоном.

– Я неинтересная, – серьезно и без ложной скромности ответила Джоан. – Не очень по крайней мере. А вот остальные – да.

Минуто-другую мы молча размышляли о незаурядной интересности остальных. А потом у меня перехватило дух, потому что Джоан как бы невзначай спросила:

– Папа говорит, вы хотите стать писателем. Что вы пишете?

То, что мистер Элингтон рассказал своей семье о моих интересах, было чудесно. Однако вопрос Джоан застал меня врасплох. В восемнадцать, если ты не гений, ты пишешь все подряд – и ничего. Где-то за углом поджидают эпические поэмы о падении Атлантиды («Вот появится немного свободного времени...»), пьесы в пяти актах, целиком написанные белым стихом, огромные сатирические романы; очень трудно говорить о серьезности своих намерений, когда за душой у тебя лишь несколько заметок да пара чудовищных зачинов. Поэтому я ужасно смутился – наверняка это было написано у меня на лбу – и пробормотал что-то про стихи и эссе.

Заметив мое смущение, Джоан сменила тему:

– Я слышала, вы любите музыку. А на концерты музыкального общества ходите?

Элингтоны и их друзья ходили, но по разным причинам вынуждены были пропустить последние два концерта. Однако в следующую пятницу они непременно пойдут.

– А вы? О, значит, там и увидимся. Мы всегда сидим в первом ряду западной галереи. Папа говорит, оттуда слышно лучше всего.

Мистер Элингтон действительно вернулся очень скоро, и я снова взялся за образцы. Теперь надо было как-то дожить до следующей пятницы. Думаю, уже тогда я понял, что это начало моей истории; по крайней мере я точно сознавал, что грядущая пятница покажет, войду я в волшебную компанию или навсегда останусь для них чужаком. Следующие несколько дней я запикивал шерсть в голубую бумагу, писал количество и цены на маленьких скользких карточках, ездил на трамвае и ходил по мокрым улицам – все как во сне.

В плане архитектуры «Глэдстон-холл» – неприметный концертный зал, вмещающий около четырех тысяч человек, – зато акустика там великолепная, особенно на хорах. Билет, который обошелся мне в девять пенсов, давал право прохода в одну из галерей – северную, но не давал права занимать определенное место (этой привилегии удостаивалась лишь почтенная публика западной галереи), поэтому я постарался одним из первых подняться по длинной лестнице, освещенной газовыми светильниками, и занять сиденье в центре первого ряда: оттуда было прекрасно видно первый ряд западной галереи. В тот вечер играл оркестр Халле, и я до сих пор помню программу: прелюдия к третьему акту «Нюрнбергских мейстерзингеров», симфоническая поэма «Дон Кихот» Штрауса и четвертая симфония Брамса. В те дни основное освещение «Глэдстон-холла» было электрическое, но у нас над головами по-прежнему висел огромный газовый канделябр, похожий на рой мерцающих пчел и придававший большому залу уютную золотистую дымчатость, приглушенный октябрьский свет, который навсегда исчез из концертных залов вместе с газовым освещением. Перед тем как гобой жалобно подал ноту для настройки оркестра, я несколько минут глазел через эту золотую дымку на Элингтонов и их компанию в полном составе – настолько обширном, что я не очень понимал, где она начинается

и где заканчивается. Сам мистер Элингтон тоже пришел, а рядом сидела та самая красивая тихая женщина – очевидно, миссис Элингтон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.